

Persona Nota: Борис Кустодиев (1878–1927)

Когда Россия горела в огне двух войн, мировой и гражданской, русский художник **Борис Михайлович Кустодиев (1878–1927)** был прикован к постели. Никаких внешних впечатлений, никаких жизненных радостей, только боль и постоянный труд.

Тем более удивительными казались его радостные полотна. Красота на его картинах светилась все ярче, обнаженные пышные русские красавицы выглядели все соблазнительнее. Люди, приходившие к нему, поражались, каким общительным и дружелюбным человеком он был, а критики разводили руками: да что ж это такое? Где психологизм?

Попробуем вместе с читателями библиотеки «Фолиант» МУК ТБК прикоснуться к биографии и творчеству великого художника, побывав **15 февраля 2011** года на вечере по искусству «**Борис Кустодиев: Мир на колесах**».

При жизни Борис Кустодиев больше был известен как преуспевающий петербургский портретист, но обо всем по - порядку.

Итак...

Родился Борис Кустодиев в волжском городе Астрахани 23 февраля (7 марта) 1878 в семье преподавателя духовной семинарии. Семья была небогатой, но очень дружной, детство Бориса и его брата Михаила - вполне счастливым. Отец в духовном училище преподавал будущим батюшкам словесность. Он умер в 1879 году, когда Борису исполнился год.

Позже мальчик попал и духовное училище, затем поступил в семинарию - жизнь, казалось, была предопределена, но все изменила колесившая по России в 1887 году выставка передвижников. Она добралась и до Астрахани, братья на нее сходили. Михаил остался равнодушен к картинам: он учился в реальном училище, и его куда больше увлекали механизмы. А Борис, впервые увидев картины настоящих живописцев, был потрясен.

Потеря для астраханской епархии

Он твердо решил стать художником. Окончив в 1896 году духовную семинарию, Кустодиев едет в Петербург и поступает в петербургское высшее художественное училище при Академии художеств. Академия получила нового студента, а в астраханской епархии одним священником стало меньше.

Занимаясь в мастерской **И. Е. Репина**, Кустодиев много этюдов пишет с натуры, долго бьется над оформлением новой книги - он любил все делать хорошо, а довести эту работу до совершенства никак не удавалось.

Илья Репин привлек молодого 23-летнего художника, одного из любимых своих учеников, к соавторству в гигантской картине «**Торжественное заседание Государственного Совета**» (1901–1903, *Русский музей, Петербург*). После этой работы выгодные заказы последовали один за другим. Вечной спутницы художников - нужды, его семья не знала, в доме всегда был достаток.

Виртуозный талант Кустодиева как портретиста проявился уже в 1901 году, когда он написал портрет **И. Я. Билибина**. Кроме того, он считался знаменитым театральным художником, правда, за оформление декораций просил совсем небольшие деньги.

Сначала по выставленным на выставках картинам невозможно было разобрать, где кончается мэтр, а где начинается его ученик. Но прошло время, и на картинах Кустодиева заплескалась-засверкала красками глубинная, лубочная, народная Русь. Выработался свой собственный, неповторимый стиль: ярмарки, болтающие горожанки, наведавшийся в гости к пышной купчихе косматый домовой, яркие шали, расписные сундуки, кряжистые, бородатые, похожие на леших мужики.

Проживая в Петербурге и Москве, Кустодиев часто наезжал в живописные уголки русской провинции, прежде всего в города и села Верхней Волги, где под кистью художника рождались знаменитые образы русского традиционного быта (серии «ярмарок», «маслениц», «деревенских праздников») и красочные народные типажи («купчихи», «купцы», красавицы в бане - «русские Венеры»).

Эти серии и близкие им полотна (портрет **Ф. И. Шаляпина**, 1922, *Русский музей*) подобны красочным снам о старой России. Да и революцию Кустодиев воспринял карнавально, в духе народного лубка.

А начиналось все так.

«...Я вам безусловно верю во всем, и буду верить...»

Однажды в усадьбу Высоково, где проживали добрые сестры **Грек**, старушки-помещицы, воспитывавшие двух девочек **Юлю** и **Зою**, пожаловала компания приехавших на этюды художников. Они прикатили на крестьянской телеге и были такими веселыми, небритыми и нечесаными, так пестро одетыми, что их приняли за разбойников.

Старушки Грек и Юлия закрылись в задних комнатах старого барского дома, где пахло нагретым солнцем деревом и пачулями, а летний ветерок играл подвесками хрустальной люстры.

К неожиданным гостям как самую смелую отправили Зою. Все быстро разъяснилось - разбойники оказались студентами петербургской Академии художеств и принялись наперебой ухаживать за красивыми воспитанными барышнями, выпускницами Санкт-Петербургского института.

У Юлии завелось целых три кавалера - молодые художники **Стеллецкий**, **Мазин** и **Кустодиев**. Борис Кустодиев говорил резким волжским выговором, - сестрам Грек это казалось забавным. Он был рыжеват, хрупок и отличался неистощимой жизнерадостностью; был общителен и дружелюбен, словно ни разу не получавший трепки щенок.

Вскоре он отвалил от Юленьки и Стеллецкого, и Мазина, а когда художники уехали, между ним и Юлей завязалась переписка.

«...Я вам безусловно верю во всем, что вы говорите, и буду верить...», - писал ей Борис в Высоково.

В 1903 году они обвенчались. Перед этим одна за другой скончались старушки Грек, и имение Высоково было передано в казну. Перед смертью тетушки по мере сил обеспечили своих воспитанниц: Юлии и Зое досталось по три тысячи рублей. Вещи и обстановку выставили на аукцион. Юля купила знакомую ей с детства мебель: шкафы, диваны и кресла водворились в их квартире на Введенской улице.

Чуть позже они совершили свою первую идиллическую совместную поездку за границу. Его, пенсионера Академии художеств, получившего золотую медаль, отправили в бесплатный годичный тур по Европе! Он взял с собой жену, сына **Кирилла**, и они путешествовали по Франции и Испании.

В Россию Кустодиевы вернулись раньше оплаченного Академией срока, Европа им надоела, замучила ностальгия по русским березкам, осинкам, но ощущение полного единения с женщиной, ставшей его женой, запомнилось навсегда.

Идеальная жизнь?

Какие странные фокусы иногда выкидывает жизнь...

Кто знает, как бы у них с женой все сложилось, будь Борис по-прежнему здоров? До 1909 года, когда его болезнь впервые заявила о себе, им порой тоже приходилось нелегко.

Со стороны жизнь Кустодиевых казалась идеально налаженной: двое чудесных детей, просторная квартира в Петербурге, дача под Кинешмой - выстроенный по его проекту русский терем, лошади в конюшне...

Но он-то знал, как тяжело приходилось Юлии, урожденной **Прошинской**. Гордой красивой польке, сохранившей и католическую веру, и шляхетское самолюбие, было нелегко вжиться в роль хозяйки дома, чьи жизненные перспективы ограничиваются воспитанием детей да присмотром за кухаркой.

Летом 1907 года она жила с тремя детьми, Кириллом, **Ириной** и полугодовалым **Игорем**, под Кинешмой и писала ему отчаянные письма: прислуга никуда не годится, домашние заботы отнимают все силы, ей невыносимо - приезжай! А он, тоже впав в тоску и от души жалея уходящую молодость, вместо Кинешмы махнул в Италию, с дороги написал об этом жене и через несколько дней уже был в Венеции.

Там он много рисовал и против обыкновения чуть не закрутил роман с миловидной русской дамой, путешествовавшей по Италии с мужем. Они катались по каналам, и он даже начал писать ее обнаженной, но закончить работу не удалось: интеллигентный муж, обычно пребывавший в вяло-полурасслабленном состоянии, вдруг будто очнулся и приревновал. Он выслеживал их гондолу, наблюдая за ними с мостов в подзорную трубу, и прогулки с сеансами пришлось прервать.

Куда хуже было то, что каким-то непостижимым образом об этой истории проведала Юлия Евстафьевна, и в Венецию полетели тревожные, полные боли и обиды письма. Ему было неловко и досадно: жена стала казаться помехой...

А через несколько месяцев после его возвращения в Россию Игорь умер. Для них с женой это стало страшным потрясением. Тогда казалось, что жизнь их сломала.

Если бы не она...

А еще Кустодиева все больше тревожила боль в руках, доктора говорили о ревматизме и заставляли носить корсет. Знаменитый немецкий хирург, берлинский профессор **Оппенгейм** поправил русских коллег: причиной болезни оказалась опухоль спинного мозга, и он брался ее удалить. От гонорара за операцию профессор отказался - попросил подарить ему картину.

Затем - война, вторая операция в петроградской клинике **Цейдлера**, не имевшая особого эффекта. И, наконец, самая страшная, третья, которую делал ученик Оппенгейма - профессор **Ферстер**, приехавший в Россию лечить Ленина.

Ферстер оперировал его под местным наркозом: изношенное сердце могло не выдержать. Кустодиев все слышал, все видел, все понимал и желал смерти, цепenea от невыносимой боли, когда ланцет хирурга вскрывал его позвоночник. Дело обстояло куда хуже, чем казалось до начала операции, и Ферстер предложил Юлии Евстафьевне выбирать, что сохранить - руки или ноги.

Потом были долгие, беспросветно тяжелые дни в больнице, когда не хотелось открывать глаза и отрывать голову от подушки. Он буквально вел войну с висевшей над его кроватью штангой: Борису Михайловичу никак не удавалось ухватиться за нее и сесть на постели. И все это время рядом была жена. Если бы не она...

Если бы не она... Он знал, что его друзья за глаза называют Юлию подвижницей, ангелом самопожертвования и доброты, наверняка они восхищаются и его терпением, А если бы в их жизни не было этой беды? Сколько супружеских пар распалось из-за того, что любовь съел быт, потому, что они устали друг от друга?...

Так что же, выходит, надо благодарить судьбу за болезнь?..

Перед войной его оперировал **Оппенгейм**: операция прошла успешно, появился шанс на полное выздоровление. Доктор Оппенгейм считал, что нужна еще одна операция, иначе все вернется на круги своя и больному грозит паралич.

Борис и Юлия готовились ко второму путешествию в Берлин, но в августе 1914 года случилось то, что раскололо мировую историю и переломало их жизни: выстрел в Сараево, манифест о войне с Германией, разъяренные толпы, громившие немецкие магазины.

Кустодиевы понимали: чем бы ни обернулась война, быстро она не закончится, а русские хирурги не спасут. Так и вышло, но жизнь, тем не менее, продолжалась...

На днях должно решиться, выпустят ли большевики Бориса Кустодиева в Германию и оплатят ли ему операцию. В последнее время власти осторожничали и придерживали тех, кто собирался выехать из страны. На то были причины: известные люди массово оставались за границей. Так и не вернулся с зарубежных гастролей **Шаляпин**, недавно его примеру последовал художник **Сомов**, добрый знакомый Кустодиевых.

...Нервы обитателей дома бы напряжены, но никто - ни Юлия Евстафьевна, ни брат художника Михаил, ни дети Кустодиева Кирилл и Ирина этого не показывали. К постели Борис Кустодиев был прикован с 1916 года, и ситуация все ухудшалась. Боли мучили Бориса Михайловича все сильнее, стала отниматься правая рука, и он начал приучать к кисти левую - художник не мог потерять профессию.

Обычно день в доме начинался рано: хозяин просыпался поутру, до завтрака к нему в комнату, больше десяти лет служившую и рабочим кабинетом, и спальней, приходила массажистка Маргарита Ивановна. Кровать была оборудована металлическим прутом вверху - он мог взяться за него и приподняться, рядом стояло инвалидное кресло.

После массажа он, сидя в кресле-каталке, занимался живописью - рисовал, делал гравюры, и под его кистью оживала навсегда ушедшая в прошлое купеческая Русь.

Красочные сны о старой России

Борис Михайлович всегда ладил с новой властью: он оформлял праздник в честь годовщины Октябрьской революции.

Как-то к Кустодиевым наведился в гости сам нарком просвещения Луначарский, долго беседовал с художником, растрогался и предоставил ему свой автомобиль: *«Вызывайте когда хотите, катайтесь по городу, смотрите Москву...»*

А однажды случилось вот что: стук - и глухое молчание, незваный гость не желал откликаться. Семья сходила с ума от тревоги, в голову лезли истории о неуловимых ночных бандах, грабивших квартиры, и ужас отступил, лишь когда по осторожным шагам стало понятно - неизвестный ушел.

Вечерний стук в дверь вполне мог означать, что явились с обыском; обычно на пороге стояли два-три матроса, один из которых был с непременным маузером, пара работниц в платочках и несколько мастеровых с винтовками. Они искали спрятанное оружие и неведомо какие документы, переворачивая квартиры буржуев вверх дном, но с семьей художника эти люди обходились куда мягче.

Причиной тому была не только подписанная Луначарским охранная грамота. Матросов завораживали картины Кустодиева - его яркие полнотельные купчихи, лубочные ярмарки, площади и катки, а вид прикованного к креслу художника умилял.

Случалось, краснофлотцы засиживались до вечера, расспрашивая Кустодиева, где учат рисовать, сколько времени уходит на большую картину, и как платят за его работу, и, уходя, долго бережно трясли его руку...

К 1921 году повальные обыски кончились, грабежи поутихли и открывать вечером дверь было не так страшно. Жизнь менялась к лучшему: теперь люди снова стали ходить друг к другу большими компаниями, а не так давно, во время гражданской войны, все обстояло иначе...

К тому же у Кустодиева снова появились заказчики, и они даже платили.

Художник продолжал активно работать в разных видах искусства, продолжая свои популярные «волжские» серии. После революции он создал лучшие свои вещи в сфере книжной иллюстрации (*«Леди Макбет Мценского уезда»* Н. С. Лескова; *«Русь»* Е. И. Замятина; обе работы – 1923 года; и другие рисунки) и сценографии (*«Блоха»* (1925) и другие декорации).

И вот постановлением Особой комиссии при Совнаркомом ему разрешили выехать в Берлин на лечение, и это значило, что у семьи появилась надежда. Власти вроде бы решились даже оплатить эту поездку.

Способ увидеть мир

...На дворе стоял беспокойный и скудный 1927 год, за плечами осталась долгая жизнь, где на каждую радость приходились две печали. Кустодиевы жили в неуплотненной, не превращенной в коммуналку пятикомнатной квартире. Брат Бориса - Михаил - жил с ними. Он по дешевке купил корпуса двух старых пролетов и намеревался мастерить из них автомобильный кузов. Машина пока будет открытой, складной верх он приделает потом.

Это просто: надо взять кожаную крышу от тарантаса и немного над ней поколдовать. Все уже есть - и резиновые шины, и ветровое стекло, и электрический фонарь, а эмблемой автомобиля станет такса Кустодиевых - Пэгги. Михаил вырежет ее из дерева, крашенная под бронзу фигурка украсит радиатор трехместной машины. Михаил чувствовал, что на сей раз у него точно все получится.

После истории с мотоциклом домашние долго не давали ему проходу...Он собирал его несколько месяцев. Покупал детали на толкучке и воевал с золовкой, защищавшей от него свою драгоценную мебель. Наконец мотоцикл был готов, и Михаил выкатил его из гостиной. Спустил свое детище по лестнице, завел во дворе, смертельно перепугав одичавших за время гражданской войны котов и никогда не видевших такого чуда старушек, и с грохотом выехал на улицу. Домой Михаил Кустодиев вернулся минут через сорок, прихрамывая, с рулем в руках. На углу Введенской и Кронверкского мотоцикл взорвался...

Но с автомобилем все должно получиться: он полгода сидел над чертежами и готов был дать голову на отсечение, что на сей раз дело обойдется без катастроф.

Однако, кому понравится, если на антикварном диване красного дерева, обитом полосатым шелком, знакомом тебе с детства, разложат ржавые железки и начнут орудовать сварочным аппаратом, направляя пламя в сторону резной спинки, которой полтора года лет?

Безропотно следить за тем, как в твоей гостиной из купленных на рынке деталей собирают автомобиль, сможет только святая, а Юлия Евстафьевна Кустодиева ею не была.

Она не возражала, когда оси, колеса и детали подвески загромодили все пять комнат их квартиры, включая детскую и кабинет больного мужа, не спорила, когда его брат водрузил на старинное бюро из карельской березы снятое со старого грузовика рулевое колесо. Но отдавать ему на растерзание любимый диван, на котором они с сестрой Зоей играли в куклы, Юлия Евстафьевна не желала. Полосатый павловский диван напоминал ей о прошлом. Ну, и что, что Михаил закончил Технологический институт? Все равно - варвар!

- Миша! Побойся бога!

- Вещи для меня, а не я для вещей!

Но все-таки Михаил Михайлович перебрался в сарай и продолжал работать, собирал автомобильный кузов. Компанию ему составляла только такса Пегги, в честь нее он и хотел назвать автомобиль, но собака вскоре не выдержала - чихнула и убежала. Дело двигалось: высокий угловатый кузов на тонких колесах с длинными спицами и лежащие в углу сарая бархатные диванчики, выданные из старой свадебной кареты, превращались в машину. Скоро «Пегги» станет ногами брата.

У Михаила была цель - он хотел, чтобы Борис смог увидеть мир. Пока что художник заключен в четырех стенах, и еще неизвестно, что выйдет из поездки в Германию. Недавняя попытка снять дачу в городе Лебедянь Тамбовской губернии оказалась не слишком удачной.

Пожив несколько месяцев в маленьком, словно сошедшем с одной из его картин городке, он заскучал и запросился в Ленинград. И там, и на Введенской улице жизнь Бориса Кустодиева протекала между постелью и инвалидной коляской. Михаил был уверен, машина станет его спасением.

Он наконец доделал «Пегги», и после нескольких пробных поездок было решено отправиться в дальнейшее путешествие. Бак заправлен, колеса накачаны, кузов блестел, как новый, - Ленинград и окрестности принадлежали теперь семье Кустодиевых.

Недавно вернувшийся в СССР Алексей Толстой жил в Царском селе, Михаил был его однокашником по Технологическому институту. Братья решили отправиться к нему в гости на машине, прихватив Юлию.

Погостив, снялись с места в обратный путь. Михаил завел машину, усадил брата на сиденье, закутал в теплый плед, затем крутанул руль, «Пегги», подпрыгивая на ухабах, покатила по проселочной дороге.

...Жить Борису Кустодиеву оставалось несколько дней. Но пока сидящие в машине люди не ведали этого. Выехав на шоссе, шофер прибавил скорость, и «Пегги» шустро рванула вперед. Михаил широко улыбнулся и, оборачиваясь к брату, сказал: *«Ты, конечно, опять скажешь, что я хвастаюсь, но мы едем со скоростью не меньше, чем пятьдесят километров в час!»*

Борис хлопнул его по плечу, Юлия Евстафьевна засмеялась. Дома Кустодиевых ждали расспросы детей и приготовленный кухаркой Анечкой ужин...

На «Пегги» не было крыши - Михаил обшарил все городские свалки, но подходящей не нашел. Ветер усиливался, и Борис зябко кутался в плед. Они не разбились. Вечером художник начал кашлять, через несколько дней у него поднялась температура. Поначалу она была невысокой, и врачи не определили воспаления легких. Когда же верный диагноз поставили, было уже поздно: измученный долгой болезнью организм не справился с инфекцией.

Умер Борис Михайлович Кустодиев в Ленинграде 26 мая 1927 года.

Литература:

1. **Александров А.** Борис Кустодиев: Мир на колесах/Алексей Александров//Караван историй. - 2010 -№ 9.- Стр. 212- 223.
2. Борис Кустодиев. Живопись. Рисунок. Книжная графика. Театрально-декорационное искусство: Альбом. - М., 1983.
3. **Докучаева В.** Борис Кустодиев.- М., 1991.
4. **Лебедева В. Е.** Кустодиев. Время, жизнь, творчество». - М., 1983.
5. Русские типы Б. М. Кустодиева: Альбом. - Л., 1989.
6. **Турков А. М.** Борис Михайлович Кустодиев. - М., 1986.